

Олег
Григорьев

Траектория
полета
бабочки

московские
ПТЕОШ

Олег Владимирович Григорьев
Траектория полета
бабочки (сборник)
Серия «Московские поэты»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305821

*Траектория полета бабочки: ИПО «У Никитских ворот»; М.; 2014
ISBN 978-5-91366-816-5*

Аннотация

Название поэтического сборника Олега Григорьева «Траектория полета бабочки» появилось не потому, что это название одного из стихотворений, входящих в сборник. Такого стихотворения не существует, так же как нет у автора и подобной поэтической строки. Дело в том, что стихи в сборнике расположены не так, как это общепринято – по разделам, каждый из которых озаглавлен отдельно. С первого взгляда можно подумать, что, действительно, расположение стихотворений случайно, хаотично, как траектория полета бабочки. Однако, в расположении стихов существует определенный ритм и смысл, проявляющиеся постепенно, в результате знакомства со сборником. Автор надеется, что намеченная смысловая и звукописная линии оправданы и интересны.

Содержание

Гладиатор	5
Процессия	7
«Ты уходишь, это ясно...»	9
С Пушкиным	10
К Нефертити	12
«Владычица угодий и высот...»	13
«Опять – сентябрь. И холодны ветра...»	15
Наваждение	17
Она	19
«Он перед князем положил клинок...»	21
Ода на восход солнца	22
Осенний полет	23
«По лестницам безумных городов...»	25
«Блаженный молвил...»	26
«Дымящийся окурок сигареты...»	28
Последняя ночь	30
«Когда поутру рифмы зазвучали...»	32
«Блуждая дальними путями...»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Олег Владимирович
Григорьев**

Траектория полета бабочки

© Григорьев О.В., 2014

© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2014

Гладиатор

Морщина лоб пересекла, устал.
Блестит клинка зазубренный металл,
Над цирком воздух душен и дрожит:
Там побратим, убитый мной, лежит.

А мне монета выпала орлом:
Не он, а я вернулся в этот дом.
Привыкнешь к смерти, думаешь: «легко...»
И вот я здесь, а он уж далеко...

Я смертью жизнь, как коршуна, кормлю,
Тот проиграл, кто ставил на мою,
Но я шагами меряю круги:
Мы побратимы были, не враги.

Подсохла рана от его меча –
Он поскользнулся, видно сгоряча,
Но, замыкая ночь, гремят ключи...
Не содрогайся сердце, замолчи!

Я не могу сдержать звериный крик
От этой мысли, вспыхнувшей на миг,
Пронзившей тьму до сумрака могил:
Я понял вдруг, что он меня щадил...

Густеют капли алого вина
На медной чаше, выпитой до дна,
И каплет дождь, и алая вода
Уходит в землю, будто в никуда.

Предвестник боя, светится восток,
Вот мой противник, молод и жесток.
Будь проклят он, я начал уставать!..
Своих друзей нам легче убивать.

Процессия

Мелькнула мимо, пустоглазая.
Сквозняк заледенил лицо,
Холодными стальными пальцами
Сжимая на груди кольцо.

Кольцо – навечно обручальное
С причалом Стиксовых полей.
Мне чудилась там мгла печальная
И больше ничего – за ней.

Ведь мы – не ангелы, не грешники,
Мы – путники с одной тропы.
Ведут нас птицы-пересмешники,
Зовут нас вестники судьбы.

За теми взглядами любимыми,
Недостижимыми всегда,
Бредем мы, слабые и сильные,
Сквозь призрачные города.

Как ни крутились – не замечены.
Лишь Бог не оттолкнет руки.
Идут к нему мужчины, женщины
С глазами, полными тоски.

Их, не глядящих друг на друга
И не прозревших никогда –
Глотает ледяная выюга
И злая черная вода.

«Ты уходишь, это ясно...»

Ты уходишь, это ясно.
Не держу тебя. Напрасно.
Я с гвоздя пальто сниму,
На прощанье обниму.

Дверь открыта... Ветер дышит,
Ветку мокрую колышет.
Боль проклятая в груди.
«Не печалься. И не жди...»

С Пушкиным

Знакомец, но в обличьи новом,
Мой добрый брат, мой мудрый друг,
Родник живой, звенящим словом,
Со мной заговоривший вдруг,

Ты оживил не поле брани –
Оттаял в сердце древний лед!
Так, за стихиями – стихами,
Творца создание узнает.

Как будто за пределом мира
Я, звоном ямбов окружен,
Плыву в волнах Гвадалквивира,
Сраженный пеньем юных жен.

Цари и исполинов мысли
В мерцаньи вод отражены,
Очеловечились, зависли
В окне магической страны.

Их облик ясно проступает,
Там чувства бьются и кипят
Так, что, восторженный, не знает
На чем остановиться, взгляд.

И долго будут проявляться,
Плутать слова по ткани дня,
То жест, то образ – удаляться
В толпу людей вокруг меня.

Пестро и шумно, это море
Колышется из края в край!
Напевы русского ль приволья,
Печальный ли Бахчисарай?

И будем мы бродить повсюду,
С тобою, солнечный поэт...
Я замечтаюсь и забуду,
Как пролетят те двести лет.

К Нефертити

Я знаю вас. Мне страшно скучен
Страстей возвышенный предмет,
Который вами так изучен,
Что в нем живого места нет.

Увы, мадам, я вам не пара.
Я, правда, не достоин вас.
В моем дому звенит гитара
И бьет копытами Пегас.

Увы, с Парнаса мне не слышен
Монет блестящих перезвон:
В лицо мне звездный ветер дышит,
Чуть арфу тронет Аполлон.

«Владычица угодий и высот...»

Владычица угодий и высот,
Властительница мудрости и спеси,
Летающая, как птица в поднебесье,
Прекрасная, как солнечный восход.

Живущая в позоре, нищете,
Блудящая в грязи и суете,
Горящими голодными глазами
Тьму освещающая мира перед нами.

Бывает день, что не люблю тебя.
Твой блеск – сиянье льда, никчемно имя,
И хочется мне наравне с другими
Ругать тебя, надежды истребя...

Но, без тебя бегущий, устаю.
Никчемность наполняет жизнь мою.
Гляжу: черна земля. И птичью стаю
Глубокой осенью под вечер провожаю.

Но вдруг однажды стихнет ненароком,
Осенний дождь. В упругой темноте
Достаточно блеснуть одной звезде
Отчаянно, как в омуте глубоком, –

Твой голос пробивается, звеня.
Он, может быть, совсем не для меня.
Я путал звук трубы с раскатом грома,
Лицо твоё вначале незнакомо
И странно, как в стекло внезапный стук.
И – крыльев трепет надо мною, вдруг!..

Владычица, волшебница, рабыня...
«Поэзия...» – твоё шепчу я имя.

«Опять – сентябрь. И холодны ветра...»

Опять – сентябрь. И холодны ветра,
И листьям с веток падать до утра,
И в красный цвет, как будто в призрак лета,
Земля повсюду будет разодета.

Еще блеснет светило сквозь дожди
И серый полог неба – не печальный.
Пусть птицы избирают берег дальний –
Тоска их ожидает впереди.

А мы, друзья, здесь переждем ненастье,
На Родине, среди пустых полей.
О, Русь святая! Мне не скучно с ней:
Здесь вдохновение мое, и боль, и счастье.

Роскошные в серебряном уборе,
Ее луга раскинутся, как море, –
До океана, в самый край земли,
Где в горизонт уходят корабли.

И ветер из безбрежного простора
Особой чистотой обнимет город,
Отправится в беспечные бега,

И закружит по улицам пурга,
Что долгой ночью, в тишине звеня,
От счастья плакать будет для меня.

Наваждение

Есть болото среди леса
Где застойная вода.
Ровно в полночь злые бесы
Собираются сюда.

Вязнет бор в сыром тумане,
Зачарован их игрой
Где-то рядом, на поляне,
Раздается свист и вой.

И, когда стихает пляска
Под разбухшею луной,
В омутх вскипает ряска,
Разнесенная волной.

Словно свита королевы,
Завиваясь в хоровод,
Вереницей выйдут девы
Из глубоких темных вод.

Нам печальны их напевы,
Холодят шальную кровь:
Это жалуется девы
На несчастную любовь.

Ходит с ними Заморока
Увлекать честной народ,
И заглядывает в окна,
И скребется у ворот.

Она

Из вечернего елея
Чуть блеснет звезда окна,
По заснеженной аллее
Приближается она.

За кудрявым мехом шубки
Волочит полу метель,
Где горланит в переулке
Полупьяная артель.

От внезапности ли, страха
Рядом взвизгнут тормоза:
Надвигаются, как плаха,
Эти чудные глаза.

Закачается пространство
Под кинжалами смычка —
Кто-то свистнул и промчался,
Словно пуля у виска.

Золотится локон рыжий
На атласной коже щек,
Свет реклам стекает с крыши
На заснеженный ларек.

Приближаются ресницы,
Ночь, скамейка у двора...
В небе венский вальс кружится
И стелется до утра.

«Он перед князем положил клинок...»

Он перед князем положил клинок
И прочь ушел. Он больше так не мог.
И чудились Распятие и тьма,
И мысль о них, сводящая с ума.

Никто же в след ему глядеть не смел.
Светились лица белые как мел.
Лишь кто-то там, на крепостной стене,
Повел крылами черными во сне.

Он на пути не встретил никого –
Боялись люди взгляда одного.
И два крыла раскрылись за спиной,
Чтоб он покинул этот мир земной.

Он воротился в светозарный зал
На небеса. И Господин сказал:
Мой добрый Ангел, больше не спеши
Нести на землю свет своей души.

Ода на восход солнца

Где лотос белый средь лазурных вод,
Серебряный, как ранний небосвод,
Где роза пурпуром и росами одета,
Где к океанскому прибою в час рассвета
Выходит он, таинственный певец,
Сжигатель демонов бесчувственных сердец,
Где поднесет свирель свою восходу –
Там все готово к твоему приходу.

Еще вершины гор отражены
В глубоких водах утренней страны
И не тревожат ветер, пенье птицы –
Туманных грез – опущены ресницы...

И каждый раз я пропускаю миг,
Когда в зыбучем воздухе возник,
Спугнув природы медленные тени,
Внезапный росчерк юных сновидений,
Отпущенных тобой, умчавших прочь
На синих крыльях изгнанную ночь.
И ты восходишь с ложа пышных трав,
Грядущий день улыбкою признав.

Осенний полет

Воздушный змей летел, ныряя,
И осень плавила в лесу,
Как будто песню предваряя,
Что я давно в себе несу.

Грустила как всегда природа,
Но ветер нес настрой другой,
Переменя время года,
Отвергнув скуку и покой.

И так же я, пройдя сквозь годы
И отрицая немоту,
Желанным воздухом свободы
Наполнил новую мечту.

Пройдя сквозь взлеты и падения
На золотую мишуру,
С влюбленностью и вдохновеньем
Играл в смертельную игру.

Я выжил, я увидел небо.
К земле привязанный листок
Единственной краюхой хлеба
И тем, кому название – Бог,

И тем обугленным кострищем
На фоне выцветших полей,
Где одичавший ветер свищет
Над скромной Родиной моей.

«По лестницам безумных городов...»

По лестницам безумных городов,
Невидимые в вывертах метели,
Скользят мои прошедшие апрели,
Как в кипени невиданных садов.

До самого весеннего тепла
Терпеть? О, Боже мой, какая скука!
В стволах деревьев кровь вскипает глухо,
Ломая заскорузлые тела.

Мне стало жаль горящих изнутри
Домов и тех, пылающих от жажды.
Их скорбный пепел пролетит однажды
Над Эйфелевой башней «Бон Пари».

Над Пушкинской, в бензиновом дыму,
И вовсе пропадет под каблуками.
И лишь ребенок вдруг прижмется к маме
От грусти, не понятной никому.

«Блаженный молвил...»

Блаженный молвил: «Вы – со мной.
И потому не пропадете».
И удалился в мир иной.
Взревели звери за спиной
И трубы на высокой ноте.

«Чудное время настает», –
Шепнул сосед, лицо скрывая.
И вышла женщина вперед –
Красивая, полунагая.

И, волосами срам прикрыв,
Рыдала, преклонив колени.
Был гром, и ветра злой порыв
Ломал тела сухих растений.

И будто не произошло
Ни чуда, ни иного знака.
И солнце медленно зашло,
И где-то лаяла собака.

Шла стража, по камням звеня,
Как будто изгнанная тьмою.
И кто-то, тайный для меня,

Сказал: «Утешься, Бог с тобою».

«Дымящийся окурок сигареты...»

Дымящийся окурок сигареты,
Бокал вина, ожесточенный дух...
Наверно, так врываются поэты
В слова, когда за полночь больше двух?

Что бесконечно спать? Что будет сниться?
Подвалы, горы мрака, миражи?
Или чужие мраморные лица,
Давно закостеневшие во лжи?

Их не разбить, они уже в осколках,
Себя в ночи укравшие для дня.
Их, не смолкая, вырывает колокол
Играть чужие роли для меня.

А я и так уже лечу над безднами,
Срывая пену желтых фонарей,
Молясь за них, за сырых и растерзанных,
Улыбками оскаленных зверей.

Их каждый день дверей глотают лопасти
Автобусов, метро и дискотек.
Как страшно им! Им места нет на глобусе
Средь игровых притонов и аптек...

Мы сладко ждем, когда качнется маятник
И будет тишь на выжженной земле.
Все наши толпы слабых и отчаянных
Утонут в этой синеватой мгле.

Лишь только птицам будет жить повелено,
Чтоб от полета все начать с нуля,
Лететь и знать, что, тихо и растерянно,
Внизу одна вращается Земля.

Последняя ночь

Глазами, где извечно – мука,
У облупившейся стены,
В телеэкран глядит старуха,
Перебирая письма внука:
Не будет ли вестей с войны?

Экран же, как посланец ада,
Играющий на смерть игрок,
Сочится кровью, словно ядом.
Прошепчет старая: «Не надо...»
И вдруг присела на порог...

Сгорит последнее полено,
И ветер запоеет в трубе,
Опять метель, светло и пенно,
Упорно и обыкновенно,
Сугробы наметет к избе.

Привычно зазвучат сирены,
И «Оппель» Красного Креста,
Гудя, укатит из деревни,
И пропадут в дали: деревья,
Погост, домишко у моста.

Но к ночи, на огонь заката,
Угрюмы, строги и легки,
Пройдут российские солдаты,
Примкнув трехгранные штыки.
За ними – танки строем грозным,
«Катюши» призрачных полков
И «Миги» в облаках морозных,
И монстры будущих веков...

Доколе им шагать, доколе,
Им, исчезающим к утру?
Об этом знает ветер в поле,
Да гроздь рябины на ветру.

«Когда поутру рифмы зазвучали...»

Когда поутру рифмы зазвучали,
То день пропал – хоть злись, хоть пей вино.
Тебя, как лодку утлую, качает
Над этой бездной, что глядит в окно.

И ты не понимаешь: что творится
С тобой и с миром на крутой волне,
Где, словно блики, проступают лица,
Смеясь вздох и плача обо мне.

Что я опять блуждаю в этой рани,
Забыв о хлебе и глотке воды...
И ангелы с печальными глазами
Мне что-то шепчут до ночной звезды.

«Блуждая дальними путями...»

Блуждая дальними путями
В безумных песнях соловья,
Я думал, что спешу за вами,
Любовь безвестная моя.

Из искр и трелей для свиданья
Я долго свой сплетал венок,
Но там, на тропах мирозданья,
Я с вами встретиться не мог.

Все ложные слова звучали,
Тонули в страсти, как в песке.
И одинокими свечами
Они истаивали все.

Какой восторг, какая сила,
Играющая роль судьбы,
Меня от глаз твоих сокрыла
Туманной тканью ворожбы?

Теперь, в часы ожесточенья,
Я рвусь сквозь ночи черный лед,
Я слышу, слышу ваше пенье,
Угадываю ваш полет!

Не зря старалась эта птица

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.